

Ли Нинсу, услышав эти слова, вышла из объятий Цзян Цэ и, пристально глядя на него, спросила:

— Дорогой, ты до сих пор считаешь, что это дело было делом рук шестого брата?

— Ты, Сусер, все эти годы верила своему шестому брату. — Цзян Цэ покачал головой и вздохнул. — Как я могу поверить, что в этом мире бывают такие совпадения? Чжунхэн отправился с Муханем на охотничьи угодья, и вдруг начался ливень, а Чжунхэн внезапно упал с обрыва, и его не смогли найти?

Ли Нинсу тоже тихо вздохнула:

— Действительно, это трудно объяснить, но я просто не могу понять, как такой хороший человек, как шестой брат, мог захотеть причинить вред Моэру?

В начале весны первого года правления Шофэн, когда сливовые цветы опадали под дождем, теряя свою форму и цвет, а весенний воздух был наполнен прохладой, шестой молодой господин Ли Юньи и двенадцатый молодой господин Ли Юньмо отправились на охотничьи угодья Наньшань.

Жители Цзиньлина, казалось, помнили, как рано утром того дня они видели, как двое молодых людей выехали из городских ворот на лошадях, с мечами и песнями, в сопровождении кареты и конного эскорта, полные воодушевления.

На следующее утро у городских ворот остался только потерянный и промокший до нитки Ли Юньи. Он рассказал, что, как только они добрались до Наньшаня и были в самом разгаре охоты, внезапно надвинулись черные тучи и начался сильный ливень. Грянул гром, лошадь двенадцатого молодого господина Ли Юньмо испугалась и понеслась, а сам он, не успев среагировать, упал вместе с лошадью прямо с обрыва.

В горах деревья переплетались, ветви цеплялись друг за друга; внизу бурлил стремительный поток, шум воды был оглушительным. Хотя Ли Юньи и его слуги изо всех сил искали его всю ночь, они не смогли найти ни следа своего двенадцатого брата.

Конечно, история о том, что брат несчастливо упал с обрыва, была только словами Ли Юньи. Несмотря на то что слуги отчаянно спорили, они не могли остановить поток сплетен, которые распространялись по городу, проникая повсюду. К тому же, когда вторая жена семьи Ли, госпожа Цзэн, услышала об этом, она ответила пощечиной... Кто в городе мог поверить, что Ли Юньи не приложил к этому руку?

Слухи были страшны, и, если бы все зашло немного дальше, Ли Юньи мог бы стать вторым Цзэн Шэнем*. Цзян Цэ вернулся к своим мыслям, размышляя про себя: «Сами по себе эти двое были равны в своих силах, и, если не ударить первым, неизвестно, кто выйдет победителем». Но вслух он мягко ответил:

— Сусер, что бы ни случилось, я всегда буду защищать тебя, не волнуйся.

Ли Нинсу снова прижалась головой к груди Цзян Цэ и нежно сказала:

— Дорогой, ты так хорошо ко мне относишься, это благословение, которое я заслужила за несколько жизней. Наш ребенок обязательно будет здоровым и счастливым.

— Сусер... ты говоришь, что ты беременна? — Цзян Цэ замер, его руки, обнимавшие Ли Нинсу,

явно напряглись. — Почему никто мне об этом не сказал?

— Да. — Ли Нинсу тихо засмеялась, касаясь пальцами груди Цзян Цэ. — Я запретила им говорить, ведь это первый ребенок, нужно было подождать, пока все стабилизируется.

Как я мог упустить это! — мысленно воскликнул Цзян Цэ. В последнее время он был так занят другими делами, что совершенно не заметил мелких изменений в поведении Ли Нинсу: статуэтка Гуанинь, приносящей детей, купленные на улице лекарства, даже узелки удачи, развешанные по всему дому. Как он мог быть таким невнимательным!

Ли Нинсу, закончив говорить, заметила, что Цзян Цэ не выглядел так радостно и воодушевленно, как она ожидала. Напротив, он казался сомневающимся, даже... немного отверженным.

Ли Нинсу почувствовала, будто под ней провалилась земля, в ее сердце внезапно вспыхнула тревога, и она неуверенно спросила:

— Дорогой, ты... не рад?

— Конечно, рад, Сусер, что за глупости ты говоришь, я просто слишком взволнован и не знаю, что сказать. — Цзян Цэ поспешно скрыл свои мысли, крепче обнял ее и поцеловал в щеку. — Теперь нужно быть осторожнее с едой и одеждой. Может, позовем ту тетю У, которая раньше за тобой ухаживала?

— Как скажешь, дорогой. — Ли Нинсу слегка закрыла глаза, внутренне ругая себя за излишнюю подозрительность. Как ее такой прекрасный и чистый муж мог не любить детей? В объятиях Цзян Цэ Ли Нинсу, нежная и покорная, чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

Вернувшись в резиденцию Ли, Сяо Чжоухэн чувствовал тяжесть в груди. Глядя на обгоревшие останки, он считал семнадцатого молодого господина совершенно неразумным и вышел первым. Однако он увидел пятнадцатого молодого господина Ли Юньвэя, стоящего в одиночестве у колонны, сжимающего руки в явном замешательстве.

— Почему пятнадцатый молодой господин здесь? — Сяо Чжоухэн сделал несколько шагов вперед, заметив, что лицо Ли Юньвэя выглядело очень плохо.

— Господин Цзюэянь, вы знаете, почему Даньти не может говорить? — Ли Юньвэй поднял взгляд на Сяо Чжоухэна, в его глазах блестели слезы, и он сдавленно произнес:

— Семнадцатый брат отрезал ему язык.

— Господин Цзюэянь. — Ли Юньвэй опустил голову еще ниже. — Я глубоко осознаю свою упрямую натуру, я не могу сравниться с братьями выше меня и не могу соперничать с братьями ниже меня. Отец никогда не возлагал на меня никаких надежд. У меня есть только Даньти, только он.

В тихих рыданиях Ли Юньвэя Сяо Чжоухэн едва разобрал суть: в третий год правления Шофэн из-за войн в западных регионах начался поток беженцев.

Пятнадцатый молодой господин Ли Юньвэй сопровождал четырнадцатого молодого господина Ли Юньцзина в поездке, и по пути они столкнулись с группой беженцев, которые окружили карету, прося еды. В толпе Ли Юньвэй сразу заметил молодого иноземца. Хотя он был грязный

и оборванный, но его глаза были чистыми. Ли Юньвэй, который никогда ни с кем не соперничал, впервые почувствовал жадное желание: «Я хочу этого человека».

Позже все прошло гладко. Ли Юньвэй взял его с собой в резиденцию и дал ему китайское имя Даньти.

В другой день шестой брат, казалось, обсуждал что-то с семнадцатым братом, и только что прибывший Даньти случайно зашел в их комнату. Ли Юньи отчитал его и, узнав, что Даньти не знает китайского языка, отпустил его. Ли Юньдэ в тот день молчал, но потом, ссылаясь на недоверие, отрезал ему язык.

Ли Юньвэй, увидев, как Даньти упал на землю, стелая и почти теряя сознание, немедленно вызвал врача.

После того как Даньти очнулся, он встал на одно колено и поцеловал руку Ли Юньвэя. Ли Юньвэй был шокирован, но, учитывая тяжелое состояние Даньти, не смог избежать этого. С тех пор Даньти всегда находился рядом с Ли Юньвэем.

Ли Юньи, узнав, что Ли Юньдэ отрезал язык Даньти, несколько раз вздохнул и лишь сказал, что семнадцатый брат — человек, способный на великие дела.

Ли Юньвэй чувствовал себя обиженным и рассказал об этом второй жене, госпоже Цзэн, но та не утешила его, а лишь отругала за незрелость.

Позже Ли Юньвэй стал замечать, что каждый раз, когда Ли Юньдэ возвращался из столичной академии, он приводил к себе в комнату некоторых людей. Ли Юньвэй не знал их, но после того как они входили, некоторые из них больше никогда не выходили.

— Это, должно быть, семнадцатый брат расправлялся с ними, неизвестно, куда он их выбрасывал. Небеса не могли этого вынести, и Юй Ин появилась, чтобы разоблачить его преступления.

Ли Юньвэй, дойдя до этого момента, выглядел еще более подавленным, каждое его слово было пропитано печалью:

— Я однажды узнал одного человека, который вышел из комнаты семнадцатого брата. Он был писарем, который писал иероглифы на улице. Я тайно встретился с ним, но он ничего не сказал. Позже он взял кисть, и я понял, что он не мог говорить! Семнадцатый брат отрезал ему язык! Позже, когда я снова пошел искать его, он исчез!

Сяо Чжоухэн почувствовал, как сердце его сжалось. Он лишь слегка похлопал Ли Юньвэя по спине и успокоил его, пока тот не перестал плакать. В этот момент он с сожалением подумал о жестокости семнадцатого молодого господина Ли Юньдэ, а также почувствовал любопытство к Даньти. Раньше он думал, что тот был просто слугой, но теперь узнал, что за этим скрывалась такая история.

Таким образом, картина, которая крутилась в голове Сяо Чжоухэна, постепенно прояснилась.

Когда госпожа Цзэн увидела тело Юй Ин, она сразу же была уверена, что это дело рук семнадцатого молодого господина Ли Юньдэ. Госпожа Цзэн попыталась остановить осмотр тела Юй Ин еще до того, как увидела ее отрезанный язык, что указывало на то, что она знала, кто это сделал. Возможно, она считала, что Ли Юньдэ на этот раз промахнулся и слуги не смогли справиться с ситуацией, поэтому она поспешила прикрыть его. Это говорит о том, что

случаи отрезания языка с последующим убийством происходили и после Даньти.

На поверхности это могло выглядеть как просто отрезание языка, но на самом деле за этим сразу следовала смерть. Теперь стало ясно, что Ли Юньдэ действительно был способен на такое.

Кроме того, поскольку Ли Юньдэ часто отсутствовал в резиденции, даже если такие случаи и происходили, они оставались незамеченными. Если не было языка, который можно было бы отрезать, он находил птиц или зверей, чтобы убить их.

Старший сын семьи Цзян, Цзян Цэ, второе имя Цюсюй, ныне служит в управе Цзяннин.

Младший сын семьи Цзян, Цзян Фэй, второе имя Даньчэн, все еще учится, друг двенадцатого молодого господина Ли Юньмо.

Ли Юньмо, двенадцатый молодой господин семьи Ли, второе имя Чжунхэн.

Ли Нинсу, одиннадцатая дочь семьи Ли, жена Цзян Цэ.

Цзэн Шэнь: идиома, означающая «Цзэн Шэнь убил человека». О пожаре в покоях Юхуань упоминается в главе 4 из уст пятнадцатого молодого господина Ли Юньвэя.

Даньти впервые упоминается в главе 4, это иноземный слуга, сопровождающий пятнадцатого молодого господина Ли Юньвэя.

<http://bllate.org/book/16134/1444533>